

Boris Rubinstein

И.- интервьюер

Р.- Борис Львович Рубинштейн

Борис (Борух) Рубинштейн

И. Борис Львович, расскажите пожалуйста, что-нибудь о своих предках.

Р. Родителей моего отца я никогда не видел, не застал их в живых. Родителей мамы я видел и хорошо знал в своем раннем детстве. Судя по семейной легенде, которую мы недавно узнали от родственника, а он узнал, копаясь в архивах пражского университета, родители, по крайней мере, отец матери, по происхождению был выходцем из Испании, откуда его предки переселились в Марокко, а потом в Литву. На моей памяти, в моем детстве они жили на Украине в городе Николаеве. По фамилии дедушки, отца матери, «Басок» по озвучиванию букв «Байт совер кадош»- дом святого писателя или семья святого писателя. Таким образом, можно думать, что кто-то из предков на время или ко времени установления этой фамилии был или талмудистом, или ученым или писателем. Я хорошо помню дедушку и бабушку. Они были очень благочестивыми, очень благородными людьми, по доброму расположенными к своим знакомым и очень любящими своих детей и внуков. Бабушка была невысокого роста. Когда я знал ее, она уже была физически немощной, занималась, в основном, кухней. Умела хорошо и вкусно готовить. Дедушка был среднего роста, держался очень прямо, носил бороду. По профессии он был меламедом, т.е. готовил, занимался учебой детей младших классов в хедере. Когда-то он имел свой хедер. Когда я его застал, он ничем из общественных дел не занимался, вел, преподавал еврейский своим внукам. В частности, около года он занимался со мной и занимался с моим двоюродным братом. Он хорошо был образован и по русски, у него был очень красивый почерк. В преподавании идиш он был очень строг, получить у него «5» мне было очень трудно. Дедушка в последние годы своей жизни жил в нашей семье, так как мама была младшей в семье, любимой и родителями, т.е. дедушкой и бабушкой и членами своей семьи - братьями и сестрами. Мама старалась поддерживать его кошерный дом. Готовила ему отдельно, в отдельной посуде. Дедушка был очень набожным - справлял ритуальные молитвы и обряды не только по праздникам, но и в обычные дни. От него, я любил ранним утром забираться к нему в постель и просил его рассказать мне какую-нибудь сказку. В виде сказок он мне рассказывал отдельные эпизоды из Торы. Мне это было очень интересно и я воспринимал это как сказку. Однажды (я был мальчиком очень впечатлительным, очень общительным) и, когда я в детском саду рассказывал своим товарищам о филистимлянах и прочие истории из еврейской истории, это стало достоянием всей нашей группы. Причем, там были не только еврейские дети, естественно, но и русские, украинцы, поляки. И через какое-то время мама была приглашена на беседу с воспитательницей. «- Вы знаете, чем занимается ваш мальчик? Вот он рассказывает вот такие-то и такие-то истории!» Дедушке было сделано определенное внушение и на этом мое образование и знание еврейской истории прекратилось. Потому-что в те годы была борьба с сионистами и очень преследовались соблюдение всяких традиций и знание всяких еврейских историй.

И. Скажите, а Ваш дедушка соблюдал субботу?

Р. Обязательно! Он соблюдал субботу. И мне вспоминается такой эпизод, когда мы с моей маленькой подружкой не могли добраться до выключателя в кухне. Мы обратились к дедушке, который в это время был покрыт таллесом, взором обращен к востоку и, покачиваясь, молился. «Дедушка! Дедушка!»

«Gehe aveg»- сказал он.

Я понял, что он занят молитвой. Когда он кончил молитву, он спросил:

«- Что ты хочешь?»

«-Зажги, пожалуйста, свет в кухне.»

«Gehe awek, haint is schabes.»

В шаббат он не мог даже зажечь свет. Вот такое. Интересно.

И. Скажите, пожалуйста, приходили ли к дедушке какие-нибудь знакомые, были ли они евреями или он мог встречаться и с другими?

Р. В дом, где он жил, в доме своего сына, из приходящих к нему людей его возраста, это были , в основном, евреи - набожные люди, физически более активные, моложе его, и, они делились своими впечатлениями.

И. Скажите, а вот материально семья дедушки, может быть, прадедушки, как они жили? На каком уровне?

Р. Материально, вероятно, семья дедушки, вот которого я знаю, это маминого отца, жили очень скромно. Была большая семья - 11 детей, так, в живых осталось 9 детей. Да. Бабушка рожала, по сути дела, друг за другом этих детей. Так. Вероятно, была какая-то коммерция, типа лавки. Но дедушка занимался, в основном, этим хедером. Вряд ли они могли жить очень прилично материально.

И. Вы сказали, что у него был свой хедер. Что вы имели в виду?

Р. Т.е. была какая-то комната, куда приходили дети и у него занимались.

И. Но, хедер, вообще-то, был общинным? Наверное, да?

Р. Этого я не знаю, не знаю. Наверное. В те времена, конечно. Это же до 20-х лет.

И. До революции?

Р. До революции.

И. Значит, ваши дедушка с бабушкой, оба дедушки и бабушки жили в Николаеве до революции, так Вам кажется?

Р. Не оба дедушки, нет. Это мне не кажется, неправда. Дедушка и бабушка по линии мамы, они вероятно, приехали на Украину уже после революции. Жили ли они в Литве или в Белоруссии, вероятнее, в Белоруссии. А на Украину они приехали уже после революции.

И. А папины?

Р. А папины родители жили в Белоруссии, а выходцами были из Литвы.

И. Понятно. А в Николаев они приехали уже позднее?

Р. Они, вообще, не приехали. Они в Николаеве не были.

И. Они так в Белорусии и жили?

Р. Жили и умерли там до войны.

И. А где они там жили?

Р. Где они там жили не могу сказать. Жили в Могилевской губернии, а точнее не могу сказать, и умерли там до войны.

И. А бабушку Вы хорошо помните? Вот как она выглядела?

Р. Это мамину маму. Да, хорошо помню.

И. Парик она носила?

Р. Нет, парик она не носила.

И. Но голова была покрыта?

Р. Да, голова всегда была покрыта платком. Я Вам сейчас скажу. Она, бабушка, умерла, мне было года 3, значит, где-то в 32 году.

И. А были ли у них братья, сестры?

Р. Вероятно, были, потому что, в свое время, ведь еврейские семьи были очень большие.

У дедушки был брат, у маминого папы был брат в Ленинграде - Файва Басок. Он был на пару лет моложе дедушки. При мне в наш дом он приезжал погостить, повстречаться со своим старшим братом, с моим дедушкой. Умер он в блокаду, в блокадном Ленинграде.

И. И больше Вы не помните?

Р. Я его один раз в жизни видел, когда он приезжал.

И. А о других что-то знаете?

Р. А о других я не знаю, не знал и по разговорам не знал.

И. А дедушка ваш не служил в армии?

Р. Нет, в армии не служил.

И. Скажите, а о родителях отца Вы что-нибудь помните?

Р. О родителях отца я знаю только по преданиям, сохранившимся в семье.

Дед мой, отец моего отца, звали его Борух, был очень энергичным, жестким по характеру человеком. Занимался он торговлей, детей держал в строгости. Вероятно, тоже был набожным. В тоже время он был очень уважаемым в округе человеком. В частности, я знаю по рассказам, что бедным людям он мог отпускать товары в кредит, не беспокоя их сроком возврата денег.

То, что он занимался торговлей, в последующем сыграло такую отрицательную роль - когда мой отец хотел поступать в институт, он, по тогдашним понятиям приравнялся к так называемым лишенцам, т.е. лишенным прав (уже в советское время). И он не мог поступить в институт, в который он бы хотел. По характеру своему он был гуманитарием, мой отец. Я хочу сказать, насколько повлияло то, что он был из торговцев. Он мог поступить только в Киевский сельскохозяйственный институт. Из эпизодов, которые вспоминаются мне в связи с моим дедушкой по матери, дедушкой Янкелем, вспоминается такой эпизод. Он был человеком очень добрым. По окончании молитвы он снимал тфилин, снимал таллес и целовал цицес. Мне это показалось очень забавным и интересным. Какой-то раз я попросил его дать мне поцеловать цицес, дедушка согласился и так я причастился к этому обряду.

Мой отец родился в местечке Головчин в Белоруссии. Тринадцатилетним мальчиком вместе со своим двоюродным братом, с Мишей Басок, они отправились в г.Вильно в иешиву.

Занимался он очень успешно и закончил это учебное заведение. Он был маленького роста, человеком очень скромным, очень нежным, высоко образованным. Хорошо знал историю и литературу, был хорошо образован на идиш, на иврите, хорошо знал русский язык и владел еще немецким языком. Окончил примерно в 24-м 25-м году Киевский сельскохозяйственный институт. Тогда он жил у своей старшей сестры. По окончании института он поехал в Крым, где работал агрономом и зоотехником в еврейских поселениях. Тогда сионисты, готовясь к тому, чтобы переезжать в Израиль, или, были тогда мнения, что ,может быть ,и в Крыму будут еврейские поселения, старательно приобщались к сельскому хозяйству.

Жил он там, тогда жизнь была организована по типу коммуны. Я знаю, что когда он вернулся из коммуны, буквально, имел на себе только носильные вещи и помню еще кожаную куртку. Все вещи его остались в коммуне. Затем он работал в Купинске. И,

примерно, в 33 или 32 году он переехал в г. Николаев работать. С мамой они познакомились, вероятно, при семейных встречах и поженились в 27 году. В 29 году родился я. Мы заимели в Николаеве 2-х комнатную квартиру, где жили постоянно до начала войны.

И. Борис Львович, Вы что-то о дедушке хотели добавить.

Р. Дедушка Янкель был очень нежен к своим детям, к своим внукам. Праздники, религиозные отмечались, обычно, в семье. Он готовился к ним и приходили, т.к. семья была большая, детей много, их жены, внуки приходили. Мне помнится, как он справлял такой праздник, как Ханука. Он готовил свечи из картофелин. В картофеле делалась выемка, заполнялась эта выемка растительным маслом, туда ставился фитилек и, таким образом, он готовил эти свечи и в Хануку они зажигались. Свечи ставились на окне, которое выходило к улице, потому что в те времена вот такие религиозные обряды, они порицались и преследовались.

И. Дедушка учил Вас идишу - это желание родителей было или ваше личное?

Р. Особенно горячего желания у родителей не было, но они это не порицали, а инициатива была дедушкина. Я относился к этому с увлечением, мне это было интересно, а папе, было приятно, что я тоже вот подвигаюсь в изучении идиш. Но это было не долго, где-то около года, т.к. вскоре дедушка умер.

И. А он учил только язык с Вами, или какие-то традиции рассказывал, религиозные истории.

Р. Нет, учил только языку. О традициях я Вам рассказывал, как я попал в детский сад. Это немного было.

И. Расскажите о своем раннем детстве.

Р. В Николаеве мы жили в центре города, в хорошей 2-х комнатной, очень солнечной квартире. У нас был большой двор, около 35-40 квартиросъемщиков. Во дворе было много детей, к несчастью моему, в основном девочки. Но мы с ними очень дружили. Я помню, как начинался мой день. Вставал я ранним утром, выходил на улицу, садился на гранитный поребрик или парапет, который был уже нагрет солнцем, и ждал, когда выйдут мои подружки. У нас было много подвижных игр, которым мы отдавались с большим увлечением. В 37-ом году я поступил в школу. В те времена еще в школе выступали ученики с чтением стихов, пением песен на своем родном языке. Я помню, что приготовил к одному из праздничных дней стихотворение на идиш (по моему, это Квитко), которое называлось: «А brif dem Hawer Voroschilov» - Это письмо Ворошилову.

(читает стихотворение на идиш)

По русски это звучало так:

«Климу Ворошилову письмо я написал

Товарищ Ворошилов - народный комиссар и т.д.»

Тогда еще существовали еврейские школы, немецкие школы, польские школы, но в последующие годы очень быстро все это было ликвидированно, все это было прикрыто.

И. А имело успех Ваше выступление?

Р. Я сорвал большие аплодисменты. Был маленьким, читал очень выразительно, и, это людям понравилось.

И. Скажите, а были среди Ваших одноклассников дети - тоже евреи?

Р. Да. Николаев вообще многонациональный город был и большую часть населения представляли евреи. Но в семьях возрастного уровня моих родителей религиозное, ну что-ли, образование уже не было принято. И, как правило, дети об истории еврейской, о традициях знали очень немного.

И. Скажите, была в Николаеве синагога? Посещал кто-нибудь из Ваших родных ее, если была?

Р. Синагога было в Николаеве.

И. Вы помните даже, где она была?

Р. Я примерно помню, где она находилась. Я был в ней какой-то единственный раз. На меня она произвела впечатление не очень благоприятное, потому что она мрачно выглядела по сравнению с православными церквями, польскими костелами, где все было в блеске, в яркости. Вот синагога на меня произвела впечатление такое серое. Из родных, ну, единицы посещали синагогу. Дедушка был достаточно слаб уже, чтобы ходить туда. А вот дядя Омер такой был, он ходил в синагогу, дядя Израиль ходил в синагогу, но наверное, не регулярно.

И. А их сыновья, внуки не посещали ее?

Р. Нет.

И. Борис Львович, расскажите что-нибудь о братьях или сестрах ваших родителей.

Р. Расскажу немного о братьях мамы. Один из них Павел (или Файва). Он был врачом, акушером-гинекологом. Жена его была учительницей. Жили они в Харькове. К сожалению, детей, которых они любили оба, у них никогда не было. Дядя Павел защитил кандидатскую диссертацию и работал ассистентом в клинике Харьковского института. В годы войны он был военным врачом, начальником госпиталя с тяжелыми ранениями, полостными ранениями живота в г. Ижевске.

Это был человек обаятельный, очень нежный и тихий, очень доброжелательный к людям, пациентки его беспредельно любили. После войны он возвратился в Харьков, где и умер. Второй его брат и брат мамы, дядя Шабсай (дядя Шепа, как мы его звали) был очень одаренным, энергичным, очень способным человеком. Он окончил 2 факультета Николаевского кораблестроительного института, был одним из ведущих инженеров на большом кораблестроительном заводе, был очень уважаем на работе и в семье. Ко мне он благоволил. Всегда интересовался тем, что я читаю, любил проверять мои контрольные работы и сочинения. Уже и в те годы, когда я занимался в старших классах, а он не жил в Николаеве, а жил в Москве.

Он был интересен тем, что он самостоятельно занимался музыкой, мог играть, или, по крайней мере, аккомпанировать себе на фортепиано или на скрипке. У него была большая, благоустроенная квартира, хорошо обставленная мебелью. Один из первых он заимел, по моему, американский большой радиоприемник. Это был приемник, который я впервые в своей жизни увидел.

Вот родители мамы и его родители, бабушка и дедушка жили у них в доме до смерти бабушки. Я помню, как он организовывал красиво детские праздники. Ставилась громадная елка. Много игрушек он мастерил сам. Всегда было весело и очень интересно. Он, вероятно, писал стихи, потому что на семейных сборищах в честь, ну, каких-либо семейных праздников, обязательно звучали посвящения в его исполнении. Помню строчки, к сожалению только эти, которые он посвятил своему отцу, моему дедушке.

Тате Лейб, бис татал мит хохон...

Их вил...

Маленькие четверостишия в своем исполнении он посвящал буквально каждому из членов семьи. К сожалению, прошло уже много лет и я их припомнить не могу. В годы войны он был переведен (после эвакуации в Астрахань) на работу в Москву, где работал тоже крупным инженером. К сожалению, примерно в 1953 году, когда была государственная

антисемитская кампания в ярмом соку, он был с работы уволен. Умер в Москве.

И. Т.е., он после этого не работал, да?

Р. Как уволен был, так не работал. Уже в годах был немножко, но еще трудоспособным. В 30-е годы он работал в Одесской школе рабочей еврейской молодежи, преподавал там в «Еврамоле» какую-то из технических дисциплин, он инженером был.

И. Еще вы хотели рассказать о 3-ем брате, тоже.

Р. Младший мамин брат, дядя Миша, был одним из ведущих врачей. Окончив медицинский институт в Одессе, он там же работал ассистентом у профессора Бухштаба, который его очень любил и всегда считался с его профессиональным мнением. После того, как папанинцы побывали на льдине, Папанин был препровожден в Одессу для поправки своего здоровья. В качестве врача за ним закрепили дядю Мишу, который его наблюдал. Между ними завязалась большая дружба и, впоследствии, Папанин пригласил его в Москву, обеспечив жильем, и там дядя Миша работал тоже ассистентом в клинике. В связи с антисемитской кампанией он был снят с работы.

И. Это когда, в каком году это было?

Р. Это тоже в начале 50-х годов или в конце 40-х.

И потом работал заведующим кардиологическим отделением в одной из крупных московских больниц. Миша был очень широко образован в литературном плане, он хорошо знал еврейскую литературу. Был одним из близких друзей еврейского театра. С его мнением о просмотренных спектаклях вот артисты Госет всегда очень считались. Он умер в Москве.

И. Скажите, они все говорили на идиш?

Р. Они все владели идиш, но говорить у них не было аудитории для такого частого и полного общения. А между собой они часто говорили на идиш.

И. А литературу на идиш они знали?

Р. Очень хорошо знали и Шепя и Миша. И хорошо знали и были близко знакомы даже с некоторыми еврейскими писателями.

И. А конкретно не помните?

Р. Конкретно не помню.

И. А со стороны мамы тоже были интересные люди?

Р. Папы. Со стороны папы.

И. Да. Те были со стороны мамы, теперь со стороны папы.

Р. Со стороны папы интересно рассказать о старшем брате. Это Израиль. Он интересен тем, что имел серьезный физический недостаток - болезнь суставов, который не позволял ему хорошо владеть пером, легко передвигаться. Он был интересен тем, что самостоятельно изучал математику и физику. Он мне, мальчику, присылал свои оригинальные способы быстрого решения примеров и задач. Он был славен тем, что он имел несколько рационализаторских предложений по техническому совершенствованию каких-то процессов. Нашими родственниками он был представлен для знакомства такому известному академику Кикоину. Кикоин, ознакомившись с его работами, конечно, не сверх какими совершенными по форме, то по сути очень значительными, сказал такую фразу: «Очень жалко, что пропал такой яркий, такой значительный талант».

Он был человеком очень добрым. Я вспоминаю, как при моем посещении вместе с папой и мамой их дома в местечке Бельнич, его окружающие всегда приветствовали очень тепло, белорусы, евреи: «Здравствуй, Борухович. Здравствуй, Борухович.»

Всегда относились все к нему с большим уважением. Мне он запомнился ещё тем, что он,

как это называется, коллекционировал весы. У него были самые разные по характеру и по времени весы. Маленькие почтовые весы, весы – безмены всякие. Им мне он подарил тоже весы, представлявшие собой два цилиндра на рычаге. Сделаны они были из какого-то дорогого металла (медь или латунь) с маленькими разновесами еще тогда в фунтах или в долях фунтов. И, когда я приехал домой, мы с детьми играли, используя эти весы.

Человеком он был очень набожным. В последние свои годы он оказался на попечении своих племянницы и прёмного сына на Урале. Они всё делали для того, чтобы он имел возможность принимать только кошерную пищу, соблюдать все религиозные праздники и свои религиозные отправления.

И. Спасибо. А еще там были интересные люди?

Р. Младший брат папы- дядя Борис. Он был интересен тем, что рано начал свою трудовую деятельность, был комсомольцем. Закончил Минский медицинский институт и занимал руководящие посты в органах здравоохранения Белоруссии. Он прошёл польскую компанию в качестве военного врача, войну с белофиннами, Великую Отечественную войну. Он был в армии начальником санэпидотдела или армии ли фронта (не могу точно сказать). А по завершению войны работал главным эпидемиологом в министерстве здравоохранения Белоруссии.

Умер он сравнительно молодым тоже находясь на боевом посту в машине, когда он ехал в какой-то городок Белоруссии расследовать эпидемиологическую вспышку какого-то инфекционного заболевания.

И. Что Вы еще можете сказать о семьях ваших родителей?

Р. Семьи моих мамы и папы были очень дружными, любящими друг друга, всегда готовыми прийти на помощь друг другу, всегда жившие интересами друг друга, знавшие хорошо нужды своих братьев, сестер и их детей.

И. Скажите, а вот 37-ой год и все, что связано с ним, не затронуло Вашу семью?

Р. Нет.

И. В 37-ом году никто не попал под репрессии?

Р. Нет. Начало войны застало меня 12-летним мальчиком. Поначалу мне было даже интересно, как взрываются снаряды. Мы, дети, бегали собирали осколки от зенитных снарядов. Но, конечно, вскоре и дети ощутили всю тяжесть, всю жестокость начала войны. Во-первых, много взрослых тут же были сразу мобилизованны. К нам стали прибывать много эвакуированных из западных областей. В основном, это были евреи из Западной Украины, Западной Белоруссии, которых война настигла в первые же минуты. Это были усталые, озабоченные люди, очень потрепанные дальними переходами. Они располагались на какой-то кратковременный отдых по дворам. Иногда, даже часто, им помогали жильцы, вынося что-нибудь из продуктов питания, из пищи, и вскоре они куда-то исчезали.

Помню первые машины, которые прибывали уже с ранеными бойцами с фронта. Было развернуто в городе очень много госпиталей. Помимо больничных учреждений использовались школы, различные другие помещения. И как-то мальчиком я видел, как прибывали друг за другом машины с вокзала и выносили тяжело раненых бойцов. Немцы приближались к нашему родному городу, и, 11 сентября 41 года с помощью дяди Шепы мы попали в эшелон, который увозил работающих на Николаевском кораблестроительном заводе в тыл, и вместе с тетей и ее семьей были эвакуированны в г.Астрахань. Поездка эта была очень длительной. Эшелон шел 5 недель. Чаше он останавливался и стоял, пропуская составы на фронт с людьми и с техникой. И в обратную

сторону эшелоны, скажем, более важные, чем наш. Какое-то время нас сопровождал самолет, а потом мы ехали уже по территории мирного Советского Союза. Эшелон представлял собой товарные вагоны, оборудованные (как это называется - лежачими?) нарами в 2 или в 3 этажа. Важно сказать, что уже в те горячие дни было достаточно организованно горячее питание. На крупных станциях мы получали бесплатно горячие обеды. Это, конечно, было очень существенно.

По прибытии, недалеко от города Астрахань, мы встретили, вернее, нас настиг эшелон, в котором ехали мой папа с дядей Шепой и уже дальше (это было за 2 дня до подъезда к Астрахани) мы ехали вместе.

И. А до этого...где был папа?

Р. А до этого... Папа был по здоровью не годным к военной службе. Но тогда было, так называемое, народное ополчение, куда мобилизовывали многих мужчин, не годных к военной строевой службе. И вот папа попал в такое подразделение, которое называлось фортификационным батальоном. Т.е. батальон, который рыл оборонительные сооружения, которые должны были препятствовать продвижению немцев.

И. Т.е. окопы рыли?

Р. Это были большие рвы такие, противотанковые рвы с надолбами и т.д.. Но оказалось, что немцы наступали совсем с другой стороны. В Астрахани мы вскоре переехали вместе с отцом в Наримановский район, в с. Нариманово, где он работал зоотехником в райземотделе.

Зима с 41-го на 42-ой выдалась очень суровой. Но вскоре по прибытию в эвакуацию была введена карточная система с нормированным пайком, который был тогда все-таки приличным. Но зима выдалась очень холодной. Мы долго не имели топлива (дров или угля), с углем там вообще было очень трудно. И только помню, как-то выменяли табак (папа не курил, а по карточкам мы получали табак) на дрова и остаток зимы провели уже более менее в тепле. 5 июня папа был призван в армию. Горю моему не было предела.

И. Это какой был год?

Р. Это был 42-ой год. 2 дня, которые оставались ему до явки в военкомат, я буквально не отходил от него ни на шаг. Мы были у него на работе, где он получил расчет, мы были у наших родственников (у дяди Шепы), попрощались с ними и 7-го июня 42 года мы проводили его на большой пароход, на котором их отправляли вверх по Волге.

В это время уже начиналась серьезная заваруха - Сталинградское сражение. Папе я писал письма каждый день на полевую почту, каждый день. Ни одного письма моего или маминого, к сожалению, он не получил. Вскоре мы были с мамой вместе с эшелоном кораблестроительного завода эвакуированны из Астрахани уже повторно. Так как ее сестра жила на Урале в Пермской области.

И. Это какая сестра?

Р. Ее сестра старша Хай-Сора. А эшелон шел в Пермь, мы решили ехать этим эшелоном. До погрузки на железнодорожный транспорт в течении недели Каспийским морем мы плыли на дебаркадере, который вез буксир в г. Гурьев. Сравнительно небольшое расстояние мы покрыли за 7 дней. Ехать там было по-своему для меня интересно, но было и очень грустно. Я помню, что там произошла смерть какой-то престарелой женщины, и ее погрузили в саван и опустили для захоронения в Каспийской море. По приезде в Гурьев, мы погрузились в железнодорожный состав и еще 3 недели шли до места назначения в Пермь. Из Перми парадиком по Каме мы прибыли в село Частые тогда Молотовской (Пермской) области. Там

мы пробыли до 44 года, до осени 44 года, значит 2 года. Жили мы трудно, материально очень скромно. Нам помогал дядя Миша, периодически присылая деньги, ну и родственники, которые жили там. Мама выменивала оставшиеся вещи на какие-то продукты питания. Очень трудной, мне помнится, была весна 44 года. Я очень недоедал. Мы с мамой могли сварить 3-х литровый котелок картошки, который уничтожался в один присест. Так как у меня была карточка иждивенческая, хлеба полагалось 200 г, а маме - 400 г. Этот дневной паек я делил обычно на половину, съедал свою порцию сразу хлеба, а к маминой никогда не прикасался. Мама работала техническим секретарем в сельсовете. Осенью 44 года Николаев был уже освобожден, мамина племянница прислала нам вызов на реэвакуацию и мы с мамой вернулись в город Николаев. Точно помню, что это было в ночь на 7-ое ноября. Мы ночевали в каком-то амбаре, вокзала конечно, тогда никакого не было, а поезд прибыл ночью. Ранним утром (мама оставалась с вещами) я отправился к своей двоюродной сестре, которая нас и вызвала в Николаев. Помню, какое уныние произвел на меня разрушенный город. На одной из недавно перед войной открывшейся школ висела еще вывеска:

«Übernachtungheim»

Это был ночлежный дом для офицеров немецкой армии. Было много разрушений. Мы переехали и жили в семье маминой старшей сестры, пока не получили с большим трудом ранее принадлежавшую нам квартиру. Я определился в 8 класс тогда мужской школы. Помню, что никакой мебели в школе не было и при зачислении в школу нас обязывали принести с собой обязательно стул. Мебели у нас никакой не было. Мы сходили на барахолку, купили стул и я приступил к занятиям. В большом некогда городе средних школ было в этот год всего 2 или 3. По окончании школы я решил поступать в Военно-медицинскую Академию в Ленинграде. Мне был оформлен литерный проезд, даны командировочные.

И. Это в каком году было?

Р. Это было в 47 году. И я благополучно прибыл в Ленинград. Вот здесь я впервые почувствовал проявления антисемитизма. Когда на медицинской комиссии меня забраковали, найдя у меня, якобы, грыжу. В последующие 50 с лишним лет у меня этой грыжи так и не оказалось. Вероятно, это было только из этих соображений. Так как до дому добираться мне было не на что, я решил оставаться в Ленинграде, успешно сдал экзамены в 1-ый медицинский институт, и начал учиться и жить в Ленинграде.

И. Скажите, вот мы говорили о вашем отце, что он ушел на фронт, а дальнейшая судьба, что Вы узнали об отце и когда?

Р. Об отце мы узнали из письма его младшего брата, который был военным врачом. Знаем, что он обучался недалеко от Сталинграда в городе Камышине, проходил короткий курс обучения для работников метеослужбы в армии. Последнее его письмо брат получил 1-го сентября. Оно было такого содержания :

«Нас грузят на машины для отправки на фронт.»

Больше никаких известий брат от него не получал. Судьба его гибели неизвестна, но, конечно, он погиб, потому что его брат наводил о нем подробные повторные справки. В последующем и мы с мамой писали в государственный архив, но никаких указаний о его судьбе не получили.

И. То есть, Вы не получили даже похоронки?

Р. Ничего не получили.

И. А Вы помните немножко свои школьные годы в эвакуации, когда Вы жили в Астрахани и в

Пермской области. Как Вы учились, какие у Вас были друзья. Были ли там тоже еврейские семьи в эвакуации. Чувствовали ли Вы на себе какое-то отношение особое, как еврей?

Р. В школах и в Нариманове и на Урале было много из числа эвакуированных, в том числе и еврейских детей. На Урале меньше их было. Отношение ребят было очень доброжелательным, никаких проявлений антисемитизма на бытовом уровне никогда не ощущал. Жили все трудно, жили дружно, старались друг другу помогать в учебе.

Хочу немного дополнить о дяде Павле, мамином брате. В 1-ю мировую войну он принимал участие в боях в составе царской армии и попал в австрийский плен. Возможно, это спасло ему жизнь.

И. Он тогда не был еще врачом?

Р. Нет, конечно, еще не был.

И. Ваши родные принимали участие в боях во время Отечественной войны, кто служил в армии?

Р. Из нашей большой семьи 3 моих дяди и папа, а также 12 моих двоюродных братьев, сестер и их мужей были в Красной Армии в эти годы. Из них 3 девушки. 13 человек принимали непосредственное участие во фронтовых действиях, из них 2 девушки, которые были врачами. Из этих людей 3 погибли. Это мой отец. Ой, извините, давайте вернемся. Я тут не исправил. Погибли еще муж Ани и муж Раи. Значит, 5 человек погибли непосредственно на фронте.

Хочу коснуться несколькими словами погибших в Холокосте. Это моя двоюродная сестра Бэллочка. Чудесная, милая, нежная, очень скромная девушка. Она была самой любимой племянницей моего отца. Училась на последних курсах института медицинского в Харькове, она вышла замуж за своего однокурсника, русского парня Николая. Они друг друга очень любили. Тетя моя, мать Бэлочки и ее отец вначале очень противились браку с неевреем. Но потом смирились с этим. Коля был чудесным парнем, очень красивым, они были молоды и счастливы. С началом польской кампании он был направлен в освобожденные, присоединенные к Советскому Союзу части Польши. Они были счастливы, но это длилось очень короткое время. Бэллочка в начале войны оказалась в гостях у своих родителей в Николаеве. 17 сентября Николаев был сдан. А буквально за месяц с небольшим до этого, она, по своему настоянию, была призвана в армию и направлена вместе с эшелоном на фронт. Тогда она уже была врачом. По приезде на станцию назначения, оказалось, что станция уже занята немцами. Она вместе со своей подружкой, тоже врачом, пустились пешими в сторону Николаева, надеясь прорваться через фронт и попасть к своим родным. Когда они пришли в Николаев, в городе тоже хозяйничали немцы.

Бэллочка была белокурой, не похожей на еврейку девушкой, и соседи ее родителей, оставшиеся в оккупации, не евреи, предлагали ее приютить, не боясь, что это вызовет каких-то подозрений, но только ее одну. Остаться одной, бросив в такую тяжелую годину свою подружку еврейку она отказалась. И они, как положено должны были зарегистрироваться как евреи. Одно время они выполняли очень тяжелые и унижительные работы. А потом вместе с другими евреями были расстреляны. Когда это точно произошло, мы не знаем. Папина сестра младшая, тетя Лифша, благополучно жила с мужем и двумя замечательными девочками - Голдой и Броней в Польше. Переписываться тогда не разрешали. Мы знали о том, что есть такая родня, и я знал, но никогда их не видел. Жили они в городе Воложин. Мое знакомство с ними состояло из одного письма и маленькой посылочки, которую они прислали, когда часть Польши присоединилась к Белоруссии.

Девочки, сама тетя Лифша и ее муж погибли во время немецкой оккупации. Как это произошло, расстреляли ли их просто в их городке или они погибли в концлагере, узнать не удалось.

И. Давайте немного вернемся в детство, что еще есть у Вас, ваши воспоминания?

Р. Как я Вам уже рассказывал, когда мне было 3 года, мы с родителями возвратились уже на постоянное место жительства в г. Николаев. Мы поселились в хорошей по тем временам 2-х комнатной квартире на полуторном этаже. В какой-то части старинного особняка в центре города. У нас было по современному электрическое освещение, отопление было печное, была общая с другими несколькими соседями кухня, довольно большая веранда, зимняя кухня с выходом во двор. Папа в эти годы работал км в 14 от города зоотехником в большом пригородном совхозе. Это был базовый совхоз большого кораблестроительного николаевского завода. В летнее время мы с мамой выезжали в этот совхоз. Там была маленькая часть интеллигенции в этом поселке, а, в основном, это были рабочие совхоза. В те годы я был очень любознательным мальчиком, очень любил движение в любом его виде. С раннего утра я появлялся вместе с рабочими в полевых и животноводческих бригадах. И мне было все равно на чем ехать: на лошади в упряжке, на волах, на тракторе, на машине, которые в то время были большой редкостью. И целыми днями я мог пропадать вне дома. Там было еще несколько детей рабочих и служащих этого совхоза. Вместе с ними я проводил свое свободное время очень долгие дни.

Был там и маленький клуб, куда в определенные дни приезжало передвижное, немое, конечно тогда, кино. Обычно в этом клубе собирались все работники этого совхоза вместе с семьями и, так как кино было немым, то действие фильма или показ фильма сопровождался игрой струнного ансамбля. Это было очень интересно. Иногда лента обрывалась, тогда все вопили: «Сапожники! Халтурщики!» Чинили пленку и вновь продолжалось кино. Там же я, как и другие дети, участвовал в самодеятельности. Я помню, как на партийном открытом собрании (папа был беспартийным), вот на открытом партийном собрании, где присутствовали администрация, технические работники, я пел для всех «Мурку». И все с удовольствием воспринимали это выступление. В те годы (36 г), когда была война гражданская в Испании, я помню, я участвовал тогда в самодеятельности. Мы ставили с детьми и подростками такой большой спектакль на украинском языке. Он назывался: «Мовчи, Тереза!» Речь шла о девочке Терезе, которая была связной между партизанами-испанцами, причем я играл роль вот этой Терезы, девочки. А все мужские роли, их было еще 6 или 7, исполняли девочки. Вот это был такой момент, когда проявились мои творческие способности на эстраде. Когда мне было лет 7, это наверное, 36 год, Николаев стал областным городом, и база вот этого совхоза, работники этого совхоза, они стали работниками вновь созданного областного треста пригородных совхозов. И тогда отец стал уже работать в Николаеве, и смог больше внимания уделять мне. Папа любил читать. В доме были книги на еврейском языке, религиозные книги и художественная литература. В основном, этим занимался папа, а религиозными книгами, конечно, и дедушка. Мама читала мало и по русски, и, тем более, по еврейски. Я, к сожалению, тоже в детстве раннем читал мало. Моими основными занятиями до школы был детский сад, беготня по улицам и во дворе. А когда я стал постарше (у меня был очень хороший слух и очень хорошая память) меня определили заниматься скрипкой у частного преподавателя. Но я был очень неусидчив, нетерпелив, и моих усилий заниматься хватило очень ненадолго. Через несколько месяцев, по моему настоянию, эти занятия были прекращены. Позднее, в

младших классах школы я занимался в музыкальных кружках, в частности, в так называемом музыкально-ритмическом оркестре. Я играл на ударных инструментах, пел. У меня был приличный голос. Руководил этим кружком во Дворце пионеров такой опытный преподаватель, педагог, хороший музыкант Владимир Георгиевич Кредин. Я совращал много мальчиков и девочек в этот кружок. И так как нас набралось очень много, то такой же музыкальный кружок организовали в нашей школе. Праздники, семейные и официальные, государственные праздники часто встречали, отмечали большими составами, собираясь частью нашей большой семьи. Помню, что обычно был хороший стол, у всех веселое настроение, все были дружески, по родственному, очень тепло друг к другу расположены. Вина потребляли, как правило, минимальное количество. Никогда не помню кого-нибудь из своих близких в состоянии опьянения. В каждом застолье обязательно исполнялись еврейские песни. У папы был очень плохой слух и слабый голос, но, тем не менее, он включался в общий хор и тоже пел. В моей жизни еврейская песня сыграла большую роль и имела большую любовь. Что называется, я впитал ее с молоком матери. Я помню, как, мама пела мне колыбельные песни. Я не помню сейчас всех слов. Одну она пела ее на еврейском языке.

(поет колыбельную песню на идиш)

Пела она и по русски:

«Баю, баю, ба й.

Спи, мой светлый май!

А-я-я-я-йй, а-я-я-я-йй!»

Я часто подолгу не мог заснуть под ее колыбельные мелодичные песни. Это вызывало ее утомление и раздражение. И, когда я засыпал (я, конечно, этого не помню, но, по ее рассказам, она пела марш такой мелодии. Это было победа ее над моим долгим незасыпанием)

(напевает мелодию марша)

Только пару лет назад, я, услышав по радио или телевидению вот этот марш, узнал, что это был марш (еще до 20-х годов), то ли белой армии, то ли царской армии.

Я знал очень много еврейских песен. Мои родные любили, когда я исполнял их, я ходил на концерты еврейских певцов и вместе с родителями, и, после войны, один. И помню прекрасные еврейские песни Эппельбаума, Александровича, Нехама Лифшицайте. Много песен, конечно, еврейских было веселых. Но были и грустные песни. Спеть Вам что-ли?

И. Спойте, пожалуйста.

Р.(...напевает еврейскую песню на идиш)

И. О чем эта песня?

Р. Это песня о еврее-портняжке, как он, не умея хорошо жить, занимался своим портняжным делом. Были песни на еврейском языке, восхвалявшие новую жизнь, становление колхозов. Одна из них начиналась так

(напевает песню на идиш)

Дальше не помню. А заканчивалась она здравицей.

(поет песню на идиш, где восхваляют революцию, Ленина, Сталина, советскую конституцию и т.д.)

Это был примерно 36-ой - 37-ой год. Одна песня, очень душевная, которую папа напевал маме. К сожалению, я помню только мелодию и один куплет.

(поет песню на идиш)

Часто песня заканчивалась здравицей в честь каждого. Это всем известная песенка.

Приведу только один куплет

(поет песню на идиш)

В 39-ом году вместе с папой и с мамой (мне тогда было 10 лет) мы поехали на родину отца в Белоруссию в местечко Бельиничи, где жили его старший брат и сестра с семьями. Для меня это была очень интересная поездка.

Мы приехали в г. Могилев, где жило много родственников, двоюродные братья и сестры папы. Нас очень тепло встретили, мы провели там пару дней и потом поехали в маленькое местечко Бельиничи. Это было довольно большое село в Могилевской области, где в те времена жило много евреев. Мне там было очень интересно. С некоторыми из своих родственников, своей двоюродной сестрой, братом, тетей я познакомился впервые в жизни. Со многими из них это была единственная встреча. Вот там я узнал новые для себя еврейские песни.

(поет песню на идиш)

Такая грустная песенка. Еще одна.

(поет песню на идиш)

Там же я узнал чуть хулиганскую шуточную песенку

(поет песню на идиш)

Там же папа написал и исполнил песню на идиш, посвященную радости встречи со своей родней, радости жизни, дружбе. Я помню, к сожалению, только последний куплет, который звучал так:

(поет песню на идиш)

Папа, вероятно, писал стихи, но я об этом особенно не знал. Когда мне было 10 лет, на мой юбилей он написал такие стихи:

Я мальчик очень тихий-

Это знает весь наш класс!

Не люблю я драк и шуток,

Не делаю ужимок,

А с гудком завода

Зазвучит мой голос звучный!

Песни вспоминаю,

Танцы повторяю,

Мама меня просит,

Мама умоляет:

Спят еще соседи,

Твой шум их утомляет

Люблю я свою маму,

И слушать ее рад!

Но что-то мне мешает

И тянет меня назад!

Буду я как ленинец-

-Честен, справедлив!

Учиться на отлично,

Всегда трудолюбив.

И песни будем петь!
И танцы танцевать!
Чтоб весело жилось!
Жизнь благодать!

И. Спасибо

И. Борис Львович, скажите, ваше детство и жизнь Ваших родных прошла на Украине. Ведь на Украине где-то в 20-е годы и раньше были антисемитские выступления, погромы. Попадали ли ваши родственники в такие ситуации?

Р. Старшая сестра моего отца, тетя Гинда, жившая с дореволюционных времен в Киеве, она пережила тяжелый петлюровский погром. Ее младший сын был не похож на еврея, он в эти дни бродил по городу и видел все несчастья, которые творились с евреями. И еще одна родственница, это жена маминого брата Шепы (Шабсая) тетя Гита, она тоже в детстве пережила тяжелый погром на Украине, не помню в каком городке.

И. А в чем это выражалось, не помните?

Р. Я не знаю, касалось ли это их физически или они видели эти несчастья, понимаете. Знаю, что они попали и переживали это тяжелое время.

И. Мы с Вами договорились, что мы возвращаемся в послевоенный Николаев.

Р. В Николаеве я учился в средней мужской школе, поступил в 8 класс, продолжая учебу. Встретился со своими довоенными друзьями детства, которые, конечно, как и я уже выросли.

Многих из тех, с кем я учился до войны, к сожалению, уже не стало. Несколько человек, я знаю, из детей были расстреляны, в том числе, дети из смешанных браков.

С мамой мы жили тогда очень скромно и материально трудно. Я был плохо одет. Но настроение было, тем не менее, хорошим. Кончилась тяжелая война. Мы все ждали каких-нибудь известий о папе. К сожалению, его отправка на фронт была тем финальным известием, о котором мы узнали от его младшего брата. И больше никаких сведений о нем не имели. В 52-ом году мама повторно вышла замуж. Звали его, ее мужа Ионя, или Леня, мы его так называли. Это был человек, который был призван в армию в 39 году и прошел всю войну в боях. Его первая жена погибла в Кировограде, была расстреляна. Имелась у него маленькая дочка, которая в раннем детстве умерла.

В 50-ом году...Простите, в каком году я сказал?

И. В 52-ом.

Р. Нет, я ошибся. Это не 52, в 46-ом году. В 47-ом году, в день, когда я готовился к первому экзамену, родилась у мамы дочь, моя сестра по матери, которую называли Соней. Очень скоро, через месяц, примерно, я уехал в Ленинград. Я уже рассказывал немножко об этом. Поступил в 1-й медицинский институт. Курс у нас был очень большой. На нашем курсе было много евреев. И курс был интересен еще тем, что это время, когда многие ребята, воевавшие в Великую Отечественную войну, поступали для продолжения учебы в институты. У нас в нашей группе было таких несколько человек, которые прошли, в отличие от нас, выпускников школы, войну. Это были серьезные, уже многоопытные ребята, которые к нам относились приветливо, с большим пониманием наших юных проделок, а сами были уже серьезные опытные люди. Время учебы в Ленинграде были золотой порой моей жизни. Сам Ленинград, студенческая среда, узнавание нового - все это было интересно и знаменательно. К сожалению, мое материальное положение было очень скромным. Я был плохо одет, это не позволяло мне часто появляться в свет и пользоваться теми благами,

которые таил в себе Ленинград. Тем не менее, музеи, театры, концерты были мне в какой-то мере доступны. Студенческая жизнь в Ленинграде была очень интересна дружбой, общением. Я участвовал в художественной самодеятельности, занимался общественной работой по профсоюзной линии, был, конечно, комсомольцем.

Поступив учиться в 47 году, окончил институт в 53-м. Вместе с учебой я все эти годы работал. Работал санитаром, позднее - лаборантом. 52-ой - 53-ий год - это были года знаменательные в жизни советских евреев. Эти годы разгула антисемитизма, и 53-ий год (по моему 53) - это дело врачей. Многие из профессоров, преподавателей нашего института, евреи по национальности, а, заодно, и несколько человек неевреев были позорно исключены, сняты с работы. В последующем, когда они были реабилитированы вскоре, директор института, генерал-майор Иванов, к каждому из них приезжал домой, принося свои извинения. Когда дело врачей было закрыто, многие из русских преподавателей института, в клинике которого я работал, выражали свою радость, выражали свою солидарность со мной как с евреем. По окончании института я получил направление в Таджикистан в г. Ленинабад. Как раз на последнем курсе разгорелось мое увлечение моей однокурсницей Тamarой Растегиной. На гребне большой любви мы расстались с ней, так и не договорившись о том, как мы будем продолжать свои отношения. Она уезжала на работу в Эстонию, в г. Кохтла-Ярве, а я в Ленинабад.

По дороге, по пути в места нашего назначения на работу мы с ней провели пару дней в Москве.

В Ленинабаде я работал в областной больнице, и короткое время (один месяц) работал в горном районе в Захматобаде. Там тогда была вспышка тяжелого гриппа, и я в числе, в составе бригады был послан на усиление медицинских сил. Отработав 11 месяцев, я получил отпуск. К этому времени стали ясны наши отношения с моей возлюбленной, с моей будущей женой, и я поехал в Эстонию с тем, чтобы мы законно оформили свой брак. И вскоре через Таллинн и Москву получил назначение к работе в Кохтла-Ярве. Здесь я проработал 48 лет, продолжаю работать и сейчас, теперь уже на неполную ставку врачом-эндокринологом.

И. Расскажите сейчас о вашей жене.

Р. Моя жена, Тамара Григорьевна, в девичестве Растегина, родом из Ульяновска, Симбирска бывшего. Ее отец родом из мещан, получил профессиональную подготовку, был рабочим-слесарем, а после 36 года был на партийной работе. Они часто... мама специальности не имела, она кончала, правда, курсы по шитью, была хорошей портнихой. Они часто переезжали в связи с тем, что отец получал назначения на работу в разные места до войны. А как раз перед войной он учился в Высшей партийной школе и они жили там всей семьей. В годы войны отец был в армии политработником, мама в эвакуации. Они вернулись потом в Ульяновск, жили в семье у брата матери. Мама работала на патронном заводе, работала тяжело. У нее был еще младший брат, который погиб еще довольно молодым человеком, попав в автоаварию, от травм. Умерли родители в глубокой старости.

И. Где?

Р. Отец умер в Ульяновске в возрасте 72 лет, а мама последние 5 лет до смерти жила у нас в Кохтла-Ярве, умерла в возрасте 94 лет.

И. Скажите, а как они относились к Вам?

Р. Отношение родителей жены ко мне и родственников жены было очень дружественное, теплое, благожелательное, несмотря на то, что все знали, что я по национальности еврей.

Жена все годы по окончании института работала по специальности фтизиатора в г. Кохтла-Ярве. Продолжает работать и сейчас. Мы с ней оба много раз проходили усовершенствование, имеем большой практический опыт работы по специальности и пользуемся довольно хорошим авторитетом у коллег и у больных. У нас родилось двое детей, сыновья. Семья была очень дружная. Специальных каких-то традиций по еврейству я им передать не мог, так как сам был с ними мало знаком. Но лет 10 назад, когда у нас в городе образовалась еврейская община, оба сына принимали участие в жизни нашей маленькой общины. Младший сын около 5 лет назад трагически умер, а старший, к сожалению, сейчас без работы, но принимает участие в жизни еврейской общины. Младший сын по образованию был врачом, закончил Тартуский медицинский институт. Старший сын закончил заочно Политехнический институт в Таллинне и работал 15-16 лет инженером-программистом.

Надо сказать, что, благодаря старшему сыну, я в последние годы с большим удовольствием и глубоко познакомился с историей еврейства, с традициями еврейства, т.к. у него много литературы, сам он интересуется этими вопросами.

И. Он же не только сам интересуется, но и других знакомит с этим.

Р. Да, он работает в маленькой воскресной школе, где преподает историю и традиции еврейства.

И. У него много литературы?

Р. Очень много литературы. Он широко эрудирован вообще в вопросах литературы, искусства, истории. Склонен к гуманитарным дисциплинам, хорошо знает французский язык.

И. Он ведь занимается и переводами.

Р. Занимается и переводами. У него большая коллекция музыкальных произведений, музыкальных записей, в том числе и еврейских песен на идиш и на иврите. И он широко использует эти записи для ознакомления членов общины на вечерах, которые у нас регулярно и довольно часто проходят.

И. Вы ведь тоже принимаете участие и в вечерах и в других мероприятиях?

Р. Да. Мы с женой и с сыном регулярно участвуем на праздниках, которые отмечает наша община. Я позволяю себе даже выступать с еврейскими песнями. Это, несмотря на мои скромные голосовые данные, встречается всегда с удовольствием, с приязнью.

И. Да, я помню как Вы с сыном выступали на «Пуримшпиле». Тоже, мне кажется, очень удачно. Это было в прошлом году.

Р. Да, это было очень удачное выступление, пожалуй, впервые с таким инсценированием и костюмированным приложением.

И. Хорошо. Спасибо.

Р. В заключении нашего интервью я хочу сказать следующее: только недавно канул в историю 20 век. Век интересный, давший миру много научных открытий, много произведений искусства и литературы. Век жестокий, давший миру тяжелые войны. Век жестокий для евреев, давший евреям России и некоторых других стран, тяжелые погромы, давший евреям тяжелое, зверское, неслыханное испытание - холокост. Начало нового века, нового столетия тоже неспокойно. И приходится удивляться тому, что народы мира не научили уроки прошлого ценить мир, бороться за мир. Для евреев минувший век был знаменателен и тем, что образовалось еврейское государство, давшее возможность всем евреям ощутить свое самосознание, ощутить единство евреев. Недавно я читал интересную

книгу, переписку Пунина, известного литературоведа и историка. В одном из писем к нему женщины, которая оказалась в далеком зарубежье, которая любила его с юности, есть такая фраза : «Мир близким, всем евреям, всем людям любви! Любви к жизни во всех ее проявлениях красоты и доброты, любви к своим близким, любви интимной, всепоглощающей любви.» И еще я хочу пожелать мира и спокойствия, оптимизма и надежд и их свершения И. Борис Львович, у нас нет пока сведений о вашей маме после войны, после того как она вышла замуж и родила Соню. Расскажите, что было с ней дальше.

Р. В 1958 г. умер ее второй супруг. Вскоре после этого, в тот же год, она с дочерью, с моей сестрой Софой переехали к нам Кохтла-Ярве, в Эстонию. Здесь мама и Софочка жили в нашей семье. Мама не работала, помогала по хозяйству. По окончании школы Софа поступила в Тартуский университет на филологическое отделение и благополучно его окончила. Последние годы мама жила в семье дочери Софы и умерла в возрасте 80 лет в 1987 г.

И. А Соня?

Р. Софочка по окончании университета короткое время учительствовала, а потом стала работать сотрудником в местной газете, где и работает до настоящего времени.

Корреспондент местной газеты.

И. У нее дочь?

Р. У нее дочь. Сейчас уже дочь взрослая, и, 2 года назад она стала счастливой бабушкой. Дочь подарила ей двойню, двух девочек.

И. Спасибо.

Р. В 99 году, в год моего 70-летия, я имел большой подарок - был приглашен своим племянником, который уже более 20 лет живет в Израиле, и посетил Израиль, где находился ровно 20 дней. Мне сумели организовать большие поездки и экскурсии по стране. За эти дни я буквально ни дня не сидел на месте. Я исколесил Израиль с юга на север и с запада на восток. Повидал очень много интересного, ознакомился со страной, проникся гордостью за евреев, за страну, за те успехи, которые они сумели сделать по развитию страны за сравнительно короткое время. Мне очень много понравилось там. Я за эти дни сумел навестить всех своих тамошних родственников, двоюродных братьев и сестер, всех своих старых друзей по институту, которые в большом количестве живут сейчас в Израиле. Эта поездка дала мне большое вдохновение, укрепила меня как еврея. В свое время мама говорила такую поговорку, которую, наверное, не сама придумала:

«Кто мы есть, есть мы,

Но мы евреи!»

Я с самого своего детства всегда ощущал себя евреем, хотя историю еврейства, традиции в детстве знал очень слабо. Только в последние несколько лет я имел удовольствие и счастье прикоснуться к большой и интересной истории нашего народа. С большим удовольствием прочитал и освоил много интересных книг о евреях, о старых временах, временах недавних и о нынешних временах.

Тем не менее, моей женой является Тамара Григорьевна, по национальности русская. Мы с ней познакомились в первые годы учебы в институте. У нас было много общих друзей из институтских товарищей разных национальностей, в том числе, много евреев. На 6 курсе, в год, когда мы проходили специализацию по нашей будущей профессии (по терапии), у нас запылал огонь любви. Это был большой душевный взлет. Вся жизнь казалась прекрасной, и, все-таки, в этот год мы не решили, как будет складываться наша дальнейшая судьба. И

на работу разъехались в разные далекие концы. Она - в Эстонию, я - Таджикистан. Весь этот год нашей разлуки мы переписывались, буквально обменивались письмами каждые 2-3 дня, на протяжении всего года. И, наконец, выяснили свои отношения, и решили пожениться. Приехав в отпуск к ней в Эстонию в августе 1954 г., мы с ней официально оформили свой брак. Я переехал на постоянное место жительства и на работу в Кохтла-Ярве, где мы прожили вот уже скоро около 50 лет - 48 лет. Тамарочка явилась и навсегда осталась для меня хорошим верным другом, человеком, с которым у меня много общего в наших представлениях об идеалах, об отношениях к людям. Она является для меня символом доброты, верности и самоотверженности. Все эти годы она много работала тем не менее сумела быть хранительницей нашего очага. С рождением первого ребенка спустя год после нашего супружества, она очень много сделала для его развития. Сама любя много читать, зная хорошо русскую литературу, основы изобразительного искусства, живописи, она сумела привить нашему первенцу любовь к книге, любовь к искусству, любовь к истории. Учась в школе, он дополнительно занимался в музыкальной школе, занимался языком и получил хорошее развитие.

Спустя 7 лет у нас родился еще один мальчик. Чудесный солнечный лучик. Наши годы, когда дети были юными, были безмерно счастливыми. Мы часто выезжали в Ленинград, в музеи, в театры вместе с ними. Виделись с нашими институтскими друзьями - ленинградцами. Жили очень, очень интересно. У нас появилась большая коллекция книг. Позднее дети занимались коллекционированием музыки: классической, эстрадной, зарубежной, еврейской.

Последние годы были омрачены болезнями детей, потерей близких.

Но и сейчас наши отношения с женой, наша дружба с ней не омрачены ничем. Я считаю, что в жизни мне с моей женой очень повезло.